

Вторую половину праздника Учитель Фан провёл в лавке. Он почти не двигался, лишь следил взглядом за Тао Цинъюем, наблюдая, как гээр привычно и ловко зазывает прохожих. Вэньли видел каждую его улыбку, обращённую к чужим людям, и считал каждый поклон, когда юноша в очередной раз наклонялся, чтобы поднять с земли бамбуковые кольца.

Взгляд Фан Вэньли стал тяжёлым и непроницаемым, от него веяло такой силой, что случайные прохожие не решались даже приближаться к нему.

Тао Цинъюй, конечно, чувствовал это внимание спиной. И хоть наставник сидел в стороне, юноше было не по себе даже вне поля его зрения.

Он то и дело задавался вопросом:

«И зачем я только бросился бежать?»

— Хозяин, дайте-ка одно кольцо для сына!

— О, сейчас, держите!

Очередной покупатель прервал его мысли, и Цинъюй снова закружился в суете толпы.

Постепенно над озером начали расцветать огни фейерверков. Ночное небо озарилось вспышками, возвещая о том, что праздник близится к завершению. Тао Цинъюй, прижав ладонь к ноющей пояснице, залюбовался зрелищем, когда подошедший Тао Синван забрал у него бамбуковый крюк.

— Дядя? — растерялся юноша.

Синван легонько подтолкнул его плечом, кивнув в сторону Вэньли:

— Иди погуляй. Человек прождал тебя столько времени.

— Да вовсе он не меня ждал... — пробормотал Цинъюй, но голос его затих.

Залпы огней расцветивали небо, заливая всё вокруг ярким светом. Фан Вэньли, сидевший в углу лавки, не сводил с него глаз. Стоило их взглядам встретиться, как губы учителя медленно дрогнули в едва заметной улыбке.

«Сказать, что он ждал не меня, теперь уже точно не получится»

Пересохшее горло саднило. Повинуясь настойчивым кивкам дяди, Тао Цинъюй подошёл к Вэньли и нерешительно спросил:

— Не хочешь пройтись?

— Я уже всё посмотрел.

— Тогда почему не идёшь домой?

— М-м.

Он ответил, но даже не шелохнулся, продолжая сидеть на месте, точно старый пень, и смотреть на юношу в упор. Цинъюй сдался и со вздохом произнёс:

— Пойдём уже.

Он первым двинулся в сторону толпы, и Фан Вэньли тут же поднялся, следуя за ним тенью.

— Гуляйте, не спешите! — донёсся им вслед весёлый голос Тао Синъюна.

От этого крика щёки Цинъюя обожгло румянцем, и он невольно прибавил шагу. Спутник шёл следом, не отставая ни на миг и сохраняя дистанцию ровно в один шаг.

Время было позднее. Прохожие, насмотревшись на фейерверки, потянулись к выходу. Тао Цинъюй лавировал в людском потоке, чувствуя нарастающее смятение. Праздник Шаньюань считался временем для влюблённых, а у них с Фан Вэньли и в мыслях не было ничего подобного, так что прогулка обещала быть неловкой.

«Довежу его до переулочка Цзиньфу, а там и обратно вернусь», — решил он.

Но не успел он пройти и десяти шагов, как почувствовал знакомое натяжение ткани на рукаве. Юноша замер и обернулся:

— Ты хотел что-то увидеть?

Вэньли произнёс почти одновременно с ним:

— Не хочешь прогуляться до водной галереи?

Цинъюй невольно хмыкнул:

— Что ж, пойдём.

Лицо Фан Вэньли заметно посветлело. Дождавшись, пока юноша сделает шаг, он пристроился рядом.

— Торговля сегодня шла бойко. Хорошая затея с кольцами.

Стоило заговорить о деле, как напряжение, сковавшее плечи Тао Цинъюя, начало спадать.

— Это ненадолго. Завтра же у половины лоточников будет то же самое.

— Верно.

— Придёшь завтра снова?

Цинъюй кивнул:

— Пока есть спрос, нужно ковать железо, пока горячо. Лишняя копейка не помешает.

Вэньли посмотрел на макушку гээра — волосы там немного растрепались и смешно пушились. Пальцы учителя невольно дернулись, повинувшись внезапному порыву.

— Уже поздно. Завтра тебе снова торговать, так что незачем таскать все вещи в деревню и обратно. Может, оставишь их у меня?

— Призов осталось совсем немного.

— Вы и так выбились из сил, а до дома путь неблизкий.

— Неудобно тебя утруждать...

— Пустяки, просто вещи постоят в углу.

Они вышли на водную галерею. Тао Цинъюй остановился у края, глядя на тёмную гладь озера, по которой скользили поминальные фонарики. Ближайший фонарь на столбе погас, и в полумраке были видны лишь силуэты.

— Тебе так сильно хочется, чтобы я оставил у тебя свои пожитки? — полушутя спросил он.

Фигура Вэньли тонула в тени.

— Просто боюсь, что ты слишком устанешь, — негромко ответил он.

Сердце Тао Цинъюя пропустило удар.

— Я... я поговорю об этом с дядей Синваном, — быстро проговорил он и поспешно отвернулся.

На губах Вэньли заиграла довольная улыбка:

— Хорошо.

Фонари на галерее были изумительной работы, но время гуляний подходило к концу. Музыка в беседке смолкла, танцоры разошлись. На галерее воцарилась тишина, нарушаемая лишь плеском воды, в которой дрожали отражения огней.

Цинъюй почувствовал, как по телу разливается приятная слабость. Он нашёл свободное место на скамье и устало привалился к перилам. Фан Вэньли, подобрав полы халата, сел рядом, оставив между ними немного пространства.

— Сяо Юй.

— М-м?

В густых сумерках Вэньли отбросил маску бесстрастного наставника и почти с жадностью вглядывался в лицо юноши. Цинъюю вдруг показалось, что на скамье стало слишком тесно, и он попытался незаметно отодвинуться к самому краю.

— Денег... тебе хватает? — внезапно спросил Фан Вэньли.

Тао Цинъюй вздрогнул и замер. Он принялся рассеянно почесывать распухшие пальцы, украдкой поглядывая на соседа. В душе почему-то поселилось странное чувство вины.

— Хватает, — выдавил он с натянутой улыбкой. — К тому же, я ведь и сам ищу способы заработать.

Взгляд Вэньли потемнел, когда он заметил руки гээра.

— Хорошо, если так. Но если понадобится помощь...

— Не нужно, правда, — замахал руками юноша.

— Понимаю.

Убедившись, что Цинъюй больше не пытается сбежать, Фан Вэньли достал из рукава небольшой сверток и протянул его.

— Что это? — спросил юноша, принимая подарок.

— Мазь от обморожения.

— Но у меня ещё осталась прежняя...

— Я видел, что твоим рукам не лучше, — мягко перебил его Вэньли. — Видно, та мазь была слабой, так что я купил новую.

Цинъюй осекся. И что ему было сказать? Что он просто забыл про неё или потерял где-то в суматохе? Он неловко потер свои покрасневшие пальцы, ставшие похожими на маленькие морковки.

— Я... я буду пользоваться, честно.

Вэньли вздохнул:

— Надеюсь, эта поможет.

— Обязательно поможет! — горячо заверил его юноша. — Прямо сегодня и начну! Негоже тебе снова тратиться.

Разговор затих. Тао Цинъюй спрятал руки в рукава, чувствуя, как на лице само собой проступает виноватое выражение. Фан Вэньли в тишине любовался его сконфуженным видом, и уголки его губ чуть приподнялись.

«Милый»

— Брат Фан! Я так долго тебя искала!

Уютный полумрак галереи был бесцеремонно нарушен. Цинъюй увидел лишь розовое пятно, метнувшееся к ним. В следующее мгновение сильная рука рывком подняла его со скамьи, и, не успев опомниться, он оказался за широкой спиной Фан Вэньли.

Учитель стоял к нему спиной. Ткань его халата задела ноги юноши, вызвав легкую щекотку. В слабом свете Цинъюй заметил, что сегодня на Вэньли было праздничное одеяние глубокого красно-чёрного цвета.

«А ему идёт»

— Брат Фан! Кто это такой?! — Чжао Ци в ярости ткнула пальцем в сторону Тао Цинъюя. Её голос, высокий и резкий, прозвучал так, будто она застучала мужа с любовницей.

— Какое тебе до этого дело? — холодно бросил Фан Вэньли. Его рука, заведенная за спину, крепко, но осторожно сжала запястье юноши. Цинъюй чувствовал, что стоит ему дернуться — и хватка ослабнет, но он замер.

Чжао Ци и представить не могла, что её избранника уведёт какой-то гээр! Её трясло от злости, а многочисленные украшения в волосах звенели при каждом движении. Но больше всего ранил ледяной, отстранённый взгляд Вэньли.

— Брат Фан! Я искала тебя повсюду! — в её глазах заблестели слезы. — Ходила к твоему дому, спрашивала, но тебя не было. Я обошла весь город, от восточных ворот до западных, пока не нашла тебя здесь...

Слушая эти излияния, Цинъюй невольно подумал:

«Надо же, какая верная девица»

Но тут же спохватился:

«Погодите-ка! Вэньли ведь искал, на ком жениться? Вот же она, влюблена по уши!»

Впрочем, он тут же покачал головой:

«Нет, если она ему не по душе, заставлять его было бы подло»

— Барышня, пойдёмте домой. Скоро господин сам пойдёт нас искать, — робко подала голос служанка.

— Прочь! — Чжао Ци с силой оттолкнула девушку. Та упала на доски галереи, вскрикнув от боли. Барышня шагнула к Фан Вэньли, и слезы градом покатились по её щекам. — Брат Фан...

Вид её был столь жалок, что любой другой мужчина наверняка бы проникся сочувствием. Тао Цинъюй хотел было выйти из-за спины учителя, но хватка на его запястье внезапно стала

каменной. Вэньли отступил на шаг, окончательно закрывая юношу собой.

— Не смей двигаться, — негромко произнёс он.

В его голосе звучала такая ледяная угроза, что у Цинъюя по спине пробежали мурашки.

Чжао Ци, столкнувшись с этой неприкрытой яростью в его глазах, попятилась, дрожа от страха. Это был не тот добрый «брат Фан», которого она знала!

Тао Цинъюй и раньше видел, что Учитель Фан человек холодный, но сейчас эта аура отчуждения была почти осязаемой. Хоть гнев и не был направлен на него, юноша предпочёл замереть и не высовываться. Он опустил взгляд на свою руку, зажатую в ладони Вэньли. Сзади в икры упиралась скамья — отступить было некуда.

В этой тесноте Цинъюй невольно коснулся лбом плеча Фан Вэньли, ощутив тонкий, едва уловимый аромат древесины.

— Брат Фан... — в голосе Чжао Ци смешались обида и страх. Внезапно она отбросила маску кротости и властно заявила: — Брат Фан, неужели условия моего отца тебя не устраивают? Место директора академии Сюаньтун... Стоит тебе только пожелать...

Взгляд Вэньли стал чернее ночи.

— Госпожа Чжао, знайте меру.

Тао Цинъюй слушал их перепалку, и его шея начала затекать. Не выдержав, он расслабился и просто приткнулся лбом к плечу мужчины. Ледяная ярость, исходившая от Фан Вэньли, вмиг улетучилась.

— Устал? — негромко спросил он.

— М-м... — отозвался Цинъюй, прикрыв глаза.

А на плече у него и впрямь было удобно.

Видя эту перемену в учителе, Чжао Ци едва не задохнулась от ревности. Она всегда получала всё, что хотела, и вот теперь какой-то оборванец посмел перейти ей дорогу!

— Кто это там прячется?! А ну выходи, дрянь! — вскричала она и бросилась вперёд.

Фан Вэньли, не выпуская руки юноши, ловко увернулся. Его брови сошлись у переносицы:

— Не заставляй меня применять силу.

— Брат Фан... это он тебя окрутил, верно?! Всё из-за этой паскуды! — лицо барышни, искаженное злобой, в тусклом свете напоминало маску демона.

Вэньли потянул юношу за собой, отступая. Воспользовавшись тем, что поднявшаяся служанка вцепилась в хозяйку, он внезапно подхватил Цинъюя на руки и стремительно зашагал прочь.

— Эй! — вскрикнул юноша, невольно обхватив его за шею.

Фан Вэньли, сжав челюсти, прижал его голову к своей груди, укрывая от чужих глаз, и поспешил покинуть это место.

— Фан Вэньли! А ну стой!

— Ты ещё пожалеешь! Я сделаю так, что тебя и на порог академии не пустят!..

Тао Цинъюй смотрел снизу вверх на волевой подбородок учителя, и его сердце колотилось как сумасшедшее. Какая-то бешеная поклонница ему досталась.

— Ого, да это же дочка уездного начальника Чжао...

— Ха-ха, чего это она в такой час на улице шумит? Вы слышите, как от неё воняет?

— Есть тухлые яйца? Давайте-ка добавим ей «аромата»!

— Заткнитесь! Все заткнитесь! — вопила Чжао Ци.

— Барышня...

— Прочь! Все пошли прочь!

Её крики постепенно затихали вдали. Тао Цинъюй поерзал в руках Фан Вэньли, но тот лишь крепче прижал его к себе. Ладно, решил юноша, не буду брыкаться.

— Это же была дочь уездного начальника?

— Не знаю такую.

Голос учителя звучал сухо, и Цинъюй не стал расспрашивать дальше. С такой взбалмошной девицей свяжешься — проблем не оберешься.

Вэньли шёл уверенно, и от него пахло так приятно, что Тао Цинъюй, вымотанный долгим днём, начал засыпать под мерный ритм его шагов. Спустя какое-то время он вздрогнул и открыл глаза.

— Уже можно спускаться? — сонно спросил он.

Вэньли замедлил шаг. Он не сводил глаз с гээра. Оказалось, что они уже дошли до переуллка Цзиньфу.

«Эх, проснулся бы он на пару минут позже», — с сожалением подумал Фан Вэньли.

Он попытался занести его в дом. Цинъюй был удивительно легким, и, прижимая его к себе, учитель чувствовал странное умиротворение. Ему не хотелось отпускать юношу.

— Мы в переулке Цзиньфу.

— А? Ох, пора прощаться, — Тао Цинъюй неловко похлопал его по плечу.

Вэньли пришлось разжать руки. Едва коснувшись ногами земли, юноша сладко потянулся. Нужно признать, в объятиях учителя спалось просто замечательно. Цинъюй решил тактично проигнорировать двусмысленность ситуации и сказал:

— Ты уже дома, так что я пойду.

— Куда это ты собрался? — из ворот с улыбкой вышел Тао Синван.

— Дядя? А ты что здесь делаешь?

— А Сю позвал, — Синван выглядел бодрым и отдохнувшим.

Тао Цинъюй заметил, что все их вещи уже перекочевали в дом Фан Вэньли.

— Время позднее, пойдём домой.

Синван кивнул и хлопнул учителя по плечу:

— Ну, мы пошли.

— Дядя, при случае заходите в гости, — отозвался Вэньли.

— Непременно, непременно!

Фан Вэньли замер у порога, провожая взглядом скрывающиеся в ночи фигуры.

— Хозяин, хватит уже смотреть, — подал голос А Сю.

— И впрямь, учитель, довольно. Шиде уже ушёл, — зевнул Бай Цзинь, прислонившись к дверному косяку.

Когда Вэньли зашёл в дом, ученик последовал за ним:

— Учитель, а где я буду спать?

— А Сю! Отведи его в соседнюю комнату.

— Пойдёмте, молодой господин Цзинь, сюда.

Двери закрылись, и во дворе стало тихо. Фан Вэньли остановился перед своей спальней, глядя на ущербную луну в небе.

«Май... До него ещё долгих четыре месяца»

Путь домой в темноте был непрост. Тао Цинъюй повесил на тележку фонарь, который дал ему А Сю, и свой новый подарок — рыбный фонарь. Когда они наконец добрались до деревни, оба едва держались на ногах.

— Юй-гээр!

У ворот их встретили Фан У и Ян Цюэ с масляными лампами. Цинъюй бросил тележку и, широко раскинув руки, буквально повис на плечах своего папочки.

— Младший папочка, как же я устал...

Фан У осторожно держал лампу, стараясь не обжечь сына, и ласково обнял его свободной рукой:

— Бедный мой мальчик.

Ян Цюэ тем временем хлопотал вокруг мужа:

— Как всё прошло?

— Хорошо, — Синван нежно коснулся щеки супруга. — Идём в дом, на улице зябко.

Ян Цюэ увёл его на кухню:

— Я согрею еду, присядь пока.

Фан У помог Тао Цинъюю дойти до комнаты и тоже поспешил на кухню. Юноша тяжело опустился на табурет, уронил голову на руки и мгновенно провалился в сон.

— Ну как же так можно спать! — воскликнул вошедший Фан У. Увидев сына, спящего прямо за столом, он легонько потряс его за плечо. — Сначала поешь, а потом ляжешь.

Цинъюй приоткрыл глаза и, слушая ворчание папочки, сонно заулыбался.

— Ешь давай.

— Слышу...

Он с трудом заставил себя выпрямиться. Хоть они и перекусили в уезде, голод всё же давал о себе знать. Покончив с ужином, юноша хотел прибраться, но младший папочка отобрал у него посуду.

— Ступай в постель.

— Хорошо, — пробормотал Цинъюй.

Умывшись горячей водой, он, вопреки ожиданиям, окончательно проснулся. Тао Цинъюй поспешил в комнату и высыпал все медные монеты на стол. На звонкий шум тут же сбежались Фан У и Ян Цюэ.

На столе выросла целая гора меди. Старшие застыли в изумлении.

— Неужто... так много?

Циньюй с гордостью вскинул подбородок:

— Считайте сами.

— Я сейчас за бечёвкой! — крикнул Фан У и бросился вон.

Ян Цюэ подставил табурет к столу и принялся ловко сгребать монеты в кучки. Внезапно среди меди блеснуло серебро.

— Смотрите! Серебро!

Вернулся Фан У с мотком крепкой нити. Положив на стол ножницы, он потер руки и скомандовал:

— Считаем!

Глядя на их счастливые лица, Тао Циньюй почувствовал, как на душе становится спокойно. Вся усталость этого бесконечного дня вдруг показалась пустяком. Он невольно зевнул.

— Иди спать, — наказал Фан У.

— Ну уж нет, я должен знать, сколько мы выручили.

Тишину комнаты нарушал лишь мелодичный звон монет. В неверном свете лампы мелькали быстрые пальцы. Первые связки медяков легли в коробку.

— У тебя сколько? — спросил Фан У.

— Шестьсот тридцать медяков, — отозвался Ян Цюэ.

— А у меня — один лян и двадцать монет.

— Если прибавить эти обрезки серебра, то выходит... ровно пять лянов и пятьдесят монет!

— Тс-с! — Фан У предостерегающе положил руку на плечо Ян Цюэ.

Тао Циньюй уже спал, положив голову на руки прямо за столом. Его лицо, прижатое к

согнутому локтю, казалось совсем детским. Под глазами залегли темные тени, дыхание стало глубоким и мерным. Он даже не шелохнулся от радостного возгласа.

— И почему только в нашей семье всё тянет на себе этот маленький гээр... — со вздохом произнес Ян Цюэ.

Фан У строго посмотрел на него:

— Не говори так. Циньюй услышит — расстроится.

Ян Цюэ ласково погладил юношу по волосам:

— Да я ведь от жалости. С утра до ночи в делах, совсем исхудал наш мальчик.

— Помоги-ка мне, уложим его поудобнее.

Они осторожно перенесли Тао Циньюя на кровать. Фан У подоткнул одеяло и, забрав лампу, тихо вышел. Циньюй во сне завозился, уютно уткнувшись в подушку, и на его губах заиграла улыбка. Ему снилось, как с весёлым звоном сыплются в его коробку бесчисленные монеты...

На следующее утро Тао Циньюй проснулся, когда солнце уже стояло высоко. Он сел в постели, обхватив одеяло руками, и на мгновение замер, приходя в себя. Тело немного ломило, но в целом он чувствовал себя бодрым.

Рядом послышалось сопение. Маленький Тао Цинья, не мигая, смотрел на брата, а затем расплылся в широкой улыбке.

— Старший брат!

— Малыш, разве ты не знаешь, что деток с такой улыбкой взрослые сразу съедают? — Циньюй подхватил ребенка и принялся шутливо щекотать его.

Мальчик залился звонким смехом, пытаясь оттолкнуть брата пухлыми ручонками.

— Щекотно... Братик, щекотно!

Отпустив ребенка, Тао Циньюй спросил:

— Давно ты тут сидишь?

— Совсем немножко, — Цинъя показал кончик мизинца.

Юноша рассмеялся, взъерошил ему волосы и принялся одеваться. Выйдя во двор с малышом за руку, он услышал общее:

— Проснулся наконец?

— Иди завтракать, все тебя заждались.

— Сейчас, только умоюсь.

В главной комнате собралась вся семья. Дед с бабкой всю мастерили новые бамбуковые трубки. Второй дядя, Тао Синлун, несмотря на гипс, азартно работал рашпилем — из-под его рук летели стружка и пыль.

Тао Цинцзя плел кузнечиков из травы, а Тао Цинмяо подавал ему стебли. Младший папочка Фан У, велел сыну садиться за стол, тут же вернулся к Ян Цюэ — они вместе мастерили ленты и цветы для украшений.

— Ну и суматоха у вас тут! — улыбнулся Цинъюй.

Все разом смутились. Тао Юлян откашлялся и строго произнёс:

— Чего смеешься? Ешь давай и за работу.

— Слушаюсь! Буду готов через минуту.

— Куда ты спешишь? Ешь спокойно, — госпожа Цзоу сурово глянула на мужа и ласково улыбнулась внуку.

Тао Цинъюй быстро справился с кашей, доел последний соленый овощ и принялся мыть посуду. Маленький Тао Цинъя всюду следовал за ним хвостиком. Видно, раз все взрослые были заняты делом, играть ему было не с кем.

— Цинъя, сбегай-ка в мою комнату и принеси коробку, что стоит под кроватью. Поставь её на стол.

— Сейчас! — и мальчик умчался.

Закончив на кухне, Цинъюй вошёл в комнату как раз вовремя, чтобы услышать наставления Ян Цюэ:

— Зачем ты взял коробку брата? А ну неси обратно, не то он тебе уши надерет!

— Да когда это я обижал нашего Цинъя? — Цинъюй забрал коробку и потрепал малыша по голове. — Скажи им, ведь я добрый?

— Да! Братик самый лучший, он купит танхулу!

Все в комнате рассмеялись.

— Сдаётся мне, что в этой фразе главное — последние слова.

Тао Цинъюй тоже засмеялся.

— Обещаю. Привезу гостинцев и Цинъя, и Цинмяо, и Цинцзя.

— Не балуй их слишком.

— Да ведь и вы меня так же баловали, — парировал юноша.

— Так то — ты!

— Никакой разницы.

Цинъюй поставил коробку на стол.

— Цинцзя, глянь-ка, нет ли никого у соседей? И ворота прикрой поплотнее.

— Будет сделано!

— Что ты задумал? — спросил Фан У, когда все отложили работу.

Когда Тао Цинцзя вернулся и кивнул, Цинъюй заговорил серьезно:

— Эта торговля долго не продлится, нужно ковать железо, пока горячо. За последние дни мы выручили вот столько. Семье пришлось отдать всё ради лечения моего отца, так что денег взять неоткуда. Хоть эта сумма и невелика, нам нужно её разделить.

Не дожидаясь возражений, Тао Цинъюй разделил пять лянов на три части.

— Нужно на что-то кормить семью, так что большая часть пойдет бабушке. Остальное — по ляну каждой семье. Денег немного, но на экстренный случай хватит.

Юноша выжидающе посмотрел на деда. Старик немного подумал и медленно кивнул:

— Берите.

В семье Тао не было принято прятать деньги друг от друга, хоть официально они и не делили хозяйство. Но после травм Тао Синъюна и Тао Синлуна семейная кубышка опустела дочи́ста. В другой семье это могло бы стать поводом для ссор, но они жили дружно, деля и горе, и радости. Раз выпал случай подсластить жизнь, никто не стал отказываться.

Как только серебро было убрано, работа закипела с удвоенной силой. Цинъюй подозвал к себе младших. Пятьдесят медных монет он не стал оставлять себе: тридцать отдал Цинцзя, а малышам — по десять.

— Это ваши личные деньги. Спрячьте понадежнее.

— Спасибо, старший брат! — дети радостно заулыбались.

— Вы их честно заработали. Но помните: никому и никогда нельзя рассказывать о том, что мы делаем. Если кто узнает — мы больше не сможем торговать и будем грызть сухой батат с утра до вечера.

Дети торжественно закивали, сжав губы в тонкую линию. Взрослые, глядя на это, лишь одобрительно улынулись. Когда старшие подают пример и учат младших делу, это верный признак того, что род будет процветать.

Свою долю Цинъюй отдал младшему папочке Фан У. Коробка снова опустела. Те сто лянов, что дал Фан Вэньли, семья считала неприкосновенным запасом на лечение, поэтому юноша даже не предлагал их деду с бабкой. А эти деньги были заработаны честным трудом, и брать их было не зазорно.

— Цинъюй, во сколько сегодня отправишься в город? — спросил Тао Юлян.

— После обеда. Хочу посмотреть, как там дела. Если подражателей станет слишком много, то притормозим и будем ждать большой ярмарки.

— Разумное решение.

Понимая, что их преимущество тает с каждым часом, семья Тао работала не покладая рук. После обеда Тао Цинъюй и Синван снова отправились в уездный город. Народу сегодня было вполтину меньше, чем вчера. Пройдясь по рыночной площади, юноша заметил лишь двоих лоточников с такой же игрой в кольца. Те уже сворачивались, собираясь уходить.

Найдя подходящее место, дядя остался на страже, а Цинъюй поспешил в переулок Цзиньфу за вещами. Стоило ему постучать, как дверь распахнулась.

— Пришёл. — Учитель Фан стоял на пороге, будто только и ждал его.

— Да, я за вещами, — улыбнулся юноша.

Вэньли кивнул и посторонился. Из дома уже выходил А Сю с полной корзиной за спиной.

— Хозяин Сяо Юй, где сегодня ставим лоток?

— Давай я понесу, — потянулся было Цинъюй.

— Не нужно, я сам! — А Сю ловко выскочил за ворота. — Я на главную улицу, к дяде Синвану!

Уже на бегу он обернулся и крикнул:

— Учитель тебя заждался, у него к тебе дело!

Лицо Фан Вэньли мгновенно потемнело. Тао Цинъюй в недоумении обернулся к нему:

— Какое дело?

Собеседник вмиг переменился в лице, лихорадочно соображая. Наконец он произнёс:

— Твои... свадебные наряды. Они готовы.

Он внимательно посмотрел на гээра, и его сердце наполнилось тихой радостью.

— Пойдём заберём их вместе?

От этих слов сердце Тао Цинъюя пустилось вскачь.

«Свадебные наряды? Когда он успел их заказать?»

— Но как же мой лоток...

— Можем сходить, когда ты закончишь дела.

— Ладно, — растерянно пробормотал юноша. — Тогда я... я пойду работать.

— М-м.

— До встречи! — Тао Цинъюй поспешно скрылся за поворотом.

Вэньли смотрел ему вслед, и его губы тронула легкая улыбка. Кажется, юноша вовсе не так уж безразличен к нему, как хочет казаться.

<http://bllate.org/book/15858/1499387>